

Мещерский Александр Васильевич

**Воспоминания князя Александра
Васильевича Мещерского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Васильевич М.**
Воспоминания князя Александра Васильевича Мещерского / Мещерский Александр Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 206 с.

ISBN 978-5-519-96376-3

ISBN 978-5-519-96376-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ИЗЪ МОЕЙ СТАРИНЫ.

Воспоминая князя А. В. Мещерскаго

Всему на свѣтъ есть предѣлъ.
Любви и счастью, и страданью.
Но вѣчнымъ быть самъ Богъ велѣлъ
Лишь одному воспоминанью.

Родъ нашъ одинъ изъ очень древнихъ, если вѣрить нашимъ источникамъ: Гербовнику, Бархатной Книгѣ и дальнѣйшимъ генеалогическимъ изысканіямъ дворянскихъ родовъ гг. Румеля, графа Бобринскаго, Петрова, князя Лобанова и менѣе полного изданія князя Долгорукова.

Всесокрушающій потокъ Азіатскихъ дикарей, наводнившій всю страну, и вѣковое владычество Татарщины истребили на Руси не только историческіе документы, но разрушили и самыя зданія православныхъ храмовъ, этихъ хранилищъ всѣхъ нашихъ историческихъ и семейныхъ преданій; поэтому и не удивительны пробѣлы и несогласія въ ученыхъ трудахъ о Русскихъ древнихъ дворянскихъ родахъ.

Первоначальныя данныя о настоящемъ родоначальникѣ князей Мещерскихъ теряются въ области преданій. Тамъ, гдѣ нѣтъ вполне точныхъ указаній, всегда существуетъ разпогласіе, и поэтому неизвѣстно, кто былъ именно Гуссейнъ, который иногда именуется княземъ Ширинскимъ и свѣдѣнія о которомъ восходятъ до XII вѣка*). Сынъ Гуссейна, судя по источникамъ Гербовника, Бархатной Книги, графа Бобринскаго, Петрова, называемый то Бахметемъ, то Мухамедомъ, пришелъ въ 1198 году изъ Большой Орды въ Мещеру, завоевалъ ее и поселился тамъ; отъ него произошло въ Россіи потомство князей

*) Въ Гербовникѣ упоминается дословно объ этомъ Гуссейнѣ слѣдующимъ образомъ:
„Татаринъ Бахметъ Усейновъ Ширинскихъ князей отступилъ Бахмета царя, да свѣтъ на Мещерѣ. У него сынъ Беклемишъ, и Беклемишъ крестился, и по крещеніи имя ему князь Михайло; а у князя Михайло сынъ князь Федоръ Мещерскій, а у князя Федора сынъ князь Юрій, и былъ онъ съ полкомъ своимъ на Дону противу Мамаю въ помощь В. К. Дмитрію Іоанновичу“.

Мещерскихъ. Его-то главнымъ образомъ и принято считать родоначальникомъ нашей фамили. Первымъ принявшимъ православіе былъ Беклемншъ (во св. крещеніи Михаилъ), сынъ Бахмета; съ нимъ же одновременно крестился многіе. Онъ тамъ построилъ храмы. Шест поколѣній князей Мещерскихъ были самостоятельными владѣтельными князьями. Одинъ изъ нихъ князь Юрій Ѳеодоровичъ пришелъ на помощь со своимъ полкомъ къ князю Дмитрію Донскому и отличился въ Куликовской битвѣ. Уже эти выраженія «на помощь» и «со своимъ полкомъ» доказываютъ, что онъ пришелъ какъ къ сосѣду, по доброволь. Со времени Михаила, такъ сказать, идетъ историческое начало князей Мещерскихъ. По неудобству или ради какихъ другихъ, неизвѣстныхъ намъ, соображеній, уже въ 1389 году Мещерскіе князья начинаютъ продавать свои земли; такъ поступилъ, напримѣръ, Александръ Юрьевичъ. Праправнукъ князя Юрія Ѳеодоровича, Юрій Семеновичъ послѣдній владѣль самостоятельно Мещерой и по согласію съ братьями добровольно обмѣнялъ свои владѣнія на волости, данныя ему Іоанномъ III-мъ. Съ этого времени князья Мещерскіе дѣлаются фактически подданными Россіи, вступая въ разрядъ слугъ Московскаго государства. Сколько намъ извѣстно, князья Мещерскіе главнымъ образомъ посвящали себя военному поприщу, «служа вѣрой и правдой царю и отечеству: 20 человекъ изъ нихъ погибло въ разное время на поляхъ брани.

Не лишнимъ, я думаю, будетъ упомяпаніе объ одномъ изъ нихъ, Васильѣ Ивановичѣ князѣ Мещерскомъ, генералъ - провіантмейстеръ и сенаторъ, женатомъ на графинѣ Натальѣ Андреевнѣ Матвѣевой, внучкѣ извѣстнаго Артамона Сергѣевича Матвѣева, любимца и сотрудника царя Алексѣя Михайловича.

Какъ старый Московскій губернскій предводитель дворянства, будучи знакомъ съ неполнотой и недостатками дворянскихъ родословныхъ книгъ, въ которыхъ записано почти все Русское дворянство, и касаясь только вскользь этого предмета, не пмѣющаго въ нашъ демократическій вѣкъ важности для потомства, если бы даже и было вполне доказано такое древнее наше происхожденіе.

Я родился въ 1822 году въ С.-Петербургѣ, гдѣ проживали мои родители послѣ своего брака и гдѣ отецъ мой служилъ въ Министертвѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Онъ женился по любви очень рано (20 лѣтъ) на красавицѣ, 16-ти лѣтней дѣвицѣ, баронессѣ Шарлотѣ Борисовнѣ Фитингофъ, мать которой была дочерью знаменитой княгини Ливень, воспитательницы великихъ князей, внучекъ Екаторицы Великой.

Вопреки существующаго въ обществѣ предубѣжденія противъ раннихъ браковъ, бракъ моего отца былъ одинъ изъ самыхъ счастливейшихъ по мнѣнію всѣхъ его сверстниковъ и знакомыхъ.

Не болѣе года передъ своей женитьбой, отецъ мой возвратился изъ-за границы, куда онъ былъ посланъ своими родителями для окончанія своего образованія въ сопровожденіи ментора, почтеннаго статс-а, барона Вреде, весьма образованнаго человѣка, принадлежавшаго къ высшему аристократическому обществу Остзейскихъ губерній.

Этотъ случай, который въ то время не былъ исключеніемъ, доказываетъ, до какой степени тогда родители заботились о доставленіи своимъ дѣтямъ общеевропейскаго образованія, вовсе не опасаясь при этомъ сдѣлать ихъ космополитами или отщепенцами своей родины и даже религіи, какъ любила изображать молодыхъ людей этой эпохи наша пишущая братія 60-хъ годовъ. Я до сихъ поръ помню, какъ, будучи ребенкомъ и отрокомъ я прислушивался къ патріотическимъ рѣчамъ моего отца. Любовь къ роднѣ выражалъ онъ въ домашнемъ кругу, со звышственнымъ ему пыломъ и увлеченіемъ по поводу каждаго историческаго или военнаго событія того времени.

Это окончательное образованіе за границей доставило ему не только превосходное знаніе иностранныхъ языковъ и стало-быть знакомство со всѣми Европейскими литературами, но и сообщило его уму весьма практическое направленіе, которое впоследствии создало ему такую репутацію, что очень многіе изъ числа его знакомыхъ обращались къ нему за совѣтами въ затруднительныхъ случаяхъ по всевозможнымъ, самымъ разнообразнымъ и даже семейнымъ своимъ дѣламъ.

Въ защиту людей той эпохи противъ легкомыслія и вопіющей несправедливости нашихъ хроникѣровъ, обзывающихъ ихъ космополитами и отщепенцами, я не могу не упомянуть здѣсь объ одномъ изъ современниковъ и друзей моего отца, достигшемъ высокихъ должностей и занимающемъ мѣсто въ исторіи.

Я хочу коснуться по этому поводу памяти свѣтлѣйшаго князя Дмитрія Владимировича Голицына, одного изъ героевъ нашей народной войны и бывшаго Московскаго генералъ-губернатора, который, занимая эту высокую должность, очень часто на своихъ дѣловыхъ бумагахъ налагалъ резолюцію по французски и въ своей перепискѣ съ государемъ Николаемъ Павловичемъ большею частью употреблялъ этотъ языкъ, что не мѣшало ему быть однимъ изъ самыхъ видныхъ патріотовъ того времени.

Отец мой, проживши въ Петербургѣ лѣтъ пять послѣ своей свадьбы, молодой, смѣтливый, блестящаго ума, пизанной наружности, любимецъ высшаго общества, гдѣ онъ былъ принятъ и по своему рожденію, и по родственнымъ связямъ съ княгиней Ливень, игравшей важную роль при дворѣ, вдругъ отказался отъ всѣхъ удовольствій столичной жизни и съ необыкновенною рѣшимостью все бросилъ, вышелъ въ отставку и поселился на неопредѣленное время въ деревнѣ, чтобы создать и оставить состояніе своимъ дѣтямъ, которыхъ тогда у него было уже пять человѣкъ.

Этимъ крупнымъ поворотомъ въ своей жизни отецъ мой спасъ все свое семейство. Его предчувствіе оправдалось: Богъ далъ ему въ послѣдствіи одиннадцать человѣкъ дѣтей и еслибъ онъ увлекся честолюбивыми видами по службѣ или удовольствіями, которыя доставляла ему свѣтская Петербургская жизнь, то мы остались бы всѣ безъ надлежащаго образованія и по всей вѣроятности безъ средствъ. Хотя онъ получилъ въ наслѣдство отъ матери своей, урожденной княжны Трубецкой, прекрасное имѣніе (въ Курской губерніи), но, послѣ шестилѣтняго пребыванія въ С.-Петербургѣ, долженъ былъ его заложить, а поэтому несомнѣнно онъ не могъ бы оставить состоянія своимъ дѣтямъ.

Подобный примѣръ отцовскаго самоотверженія чрезвычайно рѣдко встрѣчается не только въ нашъ эгонстическій вѣкъ; но онъ былъ рѣдкостью и во времена нашихъ отцовъ.

Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ мы всѣ имѣли счастье воспитываться въ деревнѣ, среди простой, здоровой деревенской обстановки, въ постоянномъ общеніи съ природой, хотя довольно скудной, въ Волоколамскомъ уѣздѣ Московской губерніи, въ селѣ Ошейкинѣ, которое мы въ послѣдствіи страстно полюбили *).

Превосходство воспитанія дѣтей въ деревнѣ нынѣ признано всѣми безспорно, но къ сожалѣнію оно у насъ не всѣмъ доступно по своей дороговизнѣ. Въ этомъ отношеніи наши родители ничего не пожалѣли. Воспитываясь подъ строгимъ и разумнымъ руководствомъ нашей матери, мы имѣли достаточно преподавателей и преподавательницъ. Нашъ менторъ былъ Швейцарецъ, который преподавалъ Французскій и древніе языки; затѣмъ Русскій преподаватель, который кромѣ Русскаго языка и Русской словесности преподавалъ остальные предметы, и наконецъ

*) Нынѣ с. Ошейкино принадлежитъ моему племяннику князю Василю Сергѣевичу, сыну брата моего князя Сергѣя Васильевича, получившаго его въ наслѣдство отъ нашего отца.

были взяты двѣ гувернантки, находившіяся при сестрѣ, которыя преподавали Англійскій и Нѣмецкій языки. Законоучителемъ былъ нашъ приходскій священникъ. Кромѣ того матушка наша, весьма религіозная женщина, читала ежедневно съ нами Св. Евангеліе съ толкованіемъ. При этомъ, разумѣется, наши родители озаботились заставить хорошимъ домашнимъ докторомъ (докторъ Панкъ) изъ окончившихъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ, который тогда былъ въ славѣ собственно по этой специальности.

По прибытіи нашемъ въ село Ошейкино, я былъ еще слишкомъ малъ, чтобы могъ пользоваться, наравнѣ съ моими старшими братьями и сестрой, нашими преподавателями. Но такъ какъ мы прожили въ деревнѣ безвыѣздно около десяти лѣтъ, то и до меня дошла очередь у нихъ учиться.

Домъ, построенный въ с. Ошейкинѣ моимъ отцомъ, былъ деревянный, весьма помѣстительный и чрезвычайно удобный. Типъ этого деревенскаго дома такъ хорошъ, что достоинъ подражанія для всѣхъ нашихъ средней руки помѣщиковъ. Онъ соединялъ всѣ условія относительно дешевизны, удобства, красоты и во всемъ согласовался съ климатическими нашими условіями. Онъ имѣлъ бы форму покоя, если бъ не выдвигались два крыльца на плоской сторонѣ его фасада. Такимъ образомъ получались два балкона: одинъ на Югъ со стороны сада, а другой на Сѣверъ со стороны двора, и оба защищались отъ вѣтра боковыми постройками дома. Отъ дома шли двѣ полукруглыя крытыя, на колошпахъ, галлерей, соединявшія домъ съ двумя флигелями, изъ которыхъ въ одномъ была кухня, а въ другомъ баня и прачечная. Двѣ параллельныя части этого дома, имѣвшаго, какъ я сказалъ, форму покоя, были въ два этажа, а средняя часть въ одинъ этажъ съ коридоромъ по серединѣ. Всего было внизу двѣнадцать комнатъ, а на верху въ двухъ параллельныхъ частяхъ дома по пяти комнатъ въ каждой. Англійскій комфортъ, который много зависитъ отъ хорошо соображеннаго расположенія комнатъ, имѣетъ несомнѣнно большое значеніе особенно для лицъ проживающихъ въ деревнѣ постоянно, зиму и лѣто. Вотъ почему я воснудся архитектурныхъ подробностей этого дома, невольно вспоминая о всѣхъ тѣхъ неуклюжихъ и неудобныхъ жилищахъ, которыхъ я на своемъ вѣку видалъ такъ много у нашихъ помѣщиковъ.

Отецъ мой, повидимому, купилъ это имѣніе въ этой мѣстности собственно съ цѣлью быть поближе къ нашему родовому семейному имѣнію Лотошину, гдѣ жилъ мой дѣдъ съ семействомъ. Это имѣніе очень

значительное сдѣлалось извѣстно тѣмъ, что дѣдъ мой, первый въ Россіи помѣщикъ, выписалъ изъ Швейцаріи сыроваровъ и устроилъ у себя сыровареніе, которое до сихъ поръ пользуется репутаціей по всей Россіи *).

Случайность соединила въ этой мѣстности цѣлую группу помѣщиковъ довольно состоятельныхъ и весьма образованныхъ, жившихъ со своими семействами постоянно въ своихъ родовыхъ помѣстьяхъ, отстоящихъ другъ отъ друга не дальше десяти или пятнадцати верстъ. Такъ напримѣръ, въ селѣ Осташовѣ жилъ старикъ Николай Николаевичъ Муравьевъ, устроившій въ этомъ имѣніи знаменитую высшую военную Школу Колоновожатыхъ, послужившую впоследствии началомъ нашей Военной Академіи и гдѣ получили воспитаніе многіе молодые люди, отличившіеся впоследствии на военномъ поприщѣ.

Николай Николаевичъ Муравьевъ былъ отецъ знаменитаго нашего полководца Н. Н. Муравьева Карскаго, графа Михаила Николаевича Муравьева, Виленскаго генералъ-губернатора и, наконецъ, Андрея Николаевича Муравьева, извѣстнаго писателя и автора «Путешествія по святымъ мѣстамъ». Всѣ три брата получили свое образованіе въ школѣ Колоновожатыхъ, въ селѣ Осташовѣ. Неподалеку отсюда была с. Бѣлая Колпа, родовое прекрасное имѣніе князя Валентина Шаховскаго, гдѣ онъ жилъ съ молодой своей женой и цѣлымъ росемъ молодыхъ дѣвицъ, его сестеръ и барышень Голыцкихъ. Бѣлая Колпа, равно какъ и Лотошино, гдѣ проживали мои дѣдъ молодые и престарѣлыя тетушки, были постояннымъ центромъ вѣчнаго движенія, самыхъ разнообразныхъ удовольствій и неистощимой веселости всей этой молодежи. Съ противоположной стороны, въ 10-ти верстахъ отъ насъ, жили очень пріятные сосѣди въ мѣстечкѣ Яропольцѣ: графъ Чернышовъ-Кругликовъ и Гончаровъ, женатый на Натальѣ Івановнѣ Загряжской, младшая дочь которыхъ вышла замужъ за нашего незабвеннаго поэта Пушкина, а младшій изъ сыновей сдѣлался впоследствии моимъ дядей, женившись на младшей сестрѣ моего отца, той самой Лотошинской красавицѣ, которая была вѣчной зачинщицей всѣхъ удовольствій среди этого избраннаго и веселаго общества. Эти

*) Село Лотошино упоминается уже въ Никоновой лѣтописи 1478 г. Первымъ владѣльцемъ его изъ рода князей Мещерскихъ былъ (1646 г.) князь Петръ Θεодоровичъ, получившій его въ даръ отъ Анны Ільиничны Морозовой (сестры царицы Марьи Ільиничны). князю Петру Θεодоровичу наследовалъ сынъ его Іванъ, затѣмъ, князь Василій, женатый на Натальѣ Андреевнѣ графинѣ Матвѣевой, потомъ Іванъ (мой дѣдъ) и наконецъ отецъ мой князь Василій второй, который отказалъ его сыну своему князю Борису, а теперь оно принадлежитъ моему племяннику князю Сергѣю Борисовичу, женатому на княжнѣ Адамслекъ.

два крупные землевладельца: графъ Чернышовъ-Кругликовъ и Гончаровъ, имѣнія которыхъ до сихъ поръ сохранились въ ихъ родѣ, проживали въ своихъ барскихъ каменныхъ усадьбахъ, имѣющихъ видъ древнихъ замковъ, въ разстояніи не больше версты одо отъ другой, что въ нашей Русской деревнѣ довольно рѣдко встрѣчается. Затѣмъ въ 7-ми верстахъ отъ насъ, въ селѣ Грибановѣ, жила извѣстная тогда въ Москвѣ своими балами и обѣдами почтенная и добрыйшая старуха Марья Степановна Татищева ¹⁾, владѣтельница большого дома въ Москвѣ на Моховой, рядомъ съ домомъ Пашкова, пышъ Румянцовскимъ музеемъ ²⁾.

Она была знатнаго рода, любила говорить о своемъ родствѣ въ Петербургѣ съ Нарышкиными, Строгановыми и проч. и славилась своимъ гостепріимствомъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ деревнѣ. Это былъ настоящій типъ Русской барыни (*grande-dame*) XVIII столѣтія. Держа огромную дворню, имѣя массу приживалокъ въ своемъ домѣ и живя постоянно выше своихъ средствъ, она все проживала на балы, на обѣды и всевозможныя удовольствія, а вмѣстѣ съ тѣмъ у нея проявлялись несомнѣнные признаки такого скряжничества и скупости, которыя служили предметомъ песенчаемыхъ толковъ во всемъ Московскомъ обществѣ. Всѣ шутили надъ этимъ, но всѣ къ ней ѣздили, потому что къ ней весь свѣтъ собирался, что всѣ привыкли къ необыкновенному ея гостепріимству и что у нея всѣмъ всегда было весело. И надо было удивляться, какъ она, будучи несомнѣнно умной женщиной, могла думать, что никто не замѣчаетъ ея страпностей и не подозрѣваетъ, что она служитъ предметомъ насмѣшекъ и добродушнаго злословія. Она между прочимъ со всѣхъ вечеровъ и баловъ, на которые была приглашаема почти каждый день, неутомительно всякій разъ привозила домой въ своемъ большомъ черномъ бархатномъ ридикюлѣ, всюду ее сопровождавшемъ, пропасть конфетъ и фруктовъ, которые, какъ гласила молва, распущенная Московскими сплетницами, впоследствии появлялись въ числѣ угощеній на ея собственныхъ балахъ. Затѣмъ для того, чтобы на тѣ средства, которыми она располагала, ей было возможно чаще принимать у себя гостей и давать балы, а вовсе не въ видахъ благоразумной экономіи, въ ея двухъ огромныхъ балныхъ залахъ во время пріема горѣли самыя свѣчи и довольно плохенькія

¹⁾ Урожд. Ржевская (1774—1852), супруга ген.-маіора Алексѣя Евграфовича Татищева (1760—1832), который былъ внукомъ славнаго Василія Никитича, а по матери своей племянникомъ фельдмаршала графа Каменскаго.

²⁾ Этотъ большой домъ, на Моховой улицѣ, съ обширнымъ дворомъ, бывший Татищевыхъ, недавно приобрѣтенъ Румянцовскимъ музеемъ.

масляныя лампы. Прислуга при этомъ, довольно собою видная, была, разумѣется, въ парадныхъ либреяхъ до нельзя изысканныхъ. Оригинальнѣе всего было то, что, не смотря на постоянный у нея пріемъ гостей, въ будни, ея швейцаръ не надѣвалъ либреи и не пахотился внизу у входной двери, а постоянно сидѣлъ въ передней въ бельэтажѣ, занимаясь на большомъ рабочемъ столѣ преусердно портняжнымъ своимъ искусствомъ, при чемъ, при появленіи каждаго посѣтителя, онъ бросалъ свои большія ножницы, утюгъ, свою кройку или шитье, чтобы докладывать о гостѣ или гостьѣ ея превосходительству. Все это, разумѣется, служило въ обществѣ неистощимымъ предметомъ шутокъ и злословія, которые не помѣшали однако почтенной старушкѣ умереть въ Москвѣ въ своемъ домѣ, окруженной любовью и уваженіемъ.

Если къ этому обширному кругу близко-знакомыхъ между собою помѣщиковъ прибавить еще нѣсколько землевладѣльцевъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, хорошо принятыхъ въ названныхъ выше домахъ, то нельзя не признать, что подобный центръ мѣстной жизни, состоявшій изъ такого довольно обширнаго избраннаго общества, даже въ то время былъ рѣдкостью на Руси, а теперь это все кажется сказочнымъ вымысломъ.

Разумѣется, въ то время, среди подобныхъ помѣщиковъ, о такъ называемомъ злоупотребленіи помѣщичьей власти не могло быть и рѣчи. Въ положительное изобличеніе неправды о всѣхъ ужасахъ крѣпостнаго права, которые послужили постояннымъ и палюбленнымъ предметомъ повѣстей и романовъ нашей литературѣ 60-хъ годовъ, не исключая и нашего высоко-даровитаго Тургенева, слѣдуетъ сказать утвердительно, что отношеніе между всѣми названными выше помѣщиками и ихъ крестьянами были самыя гуманныя, самыя отеческія и самыя справедливыя.

Разительнымъ примѣромъ тому, насколько наша пзвѣстная въ этомъ отношеніи литература обобщала исключительные случаи этихъ злоупотребленій и насколько несправедливы тѣ обострившіяся отношенія между помѣщиками и крестьянами, о которыхъ такъ много писали, можетъ послужить слѣдующее фактъ. Въ 1812-мъ году все крестьянское населеніе огромнаго помѣстья моего дѣда конечно было смущено пзвѣстіями, приходившими въ то время въ с. Лотошино изъ Москвы, и въ одинъ прекрасный день, услышавъ издалека пушечныя выстрѣлы какого-то Французскаго отряда, можетъ быть и воображаемаго, все мужское населеніе крестьянъ собралось на большой площади противъ помѣщичьяго дома, вооруженное косами вилами и топорами, чтобы защищать жизнь моего дѣда и его семейства.

Дѣдъ мой мнѣ сказывалъ, что въ данномъ случаѣ ему, лично вышедшему на площадь, очень трудно было успокоить этотъ добрый и простодушный народъ и уговорить его вернуться по домамъ.

Изъ мѣлкопомѣстныхъ помѣщиковъ, посѣщавшихъ въ то время насъ въ деревнѣ, я припоминаю, между прочимъ, Назимовыхъ, въ семействѣ которыхъ были двѣ дѣвцы, замѣчательной красоты; затѣмъ одного заслуженнаго полковника и доморощеннаго поэта Эгерштрома, родомъ изъ Шведовъ, замѣчательнаго тѣмъ, что онъ всю жизнь свою проводилъ въ своемъ тарантасѣ, постоянно посѣщая всѣхъ помѣщиковъ этого околотка и угощая ихъ, при каждомъ посѣщеніи, вновь написанными имъ стихотвореніями на ломанномъ Русскомъ языкѣ, самаго забавнаго содержанія. Эти стихи большею частью посвящались хозяину или хозяйкѣ дома и возбуждали во всѣхъ присутствующихъ гомерическій смѣхъ, никогда его не обижавшій, отчего онъ и умѣлъ сдѣлаться для всѣхъ желаннымъ гостемъ и обязательнымъ участникомъ всѣхъ удовольствій *).

Перечисляя крупныхъ помѣщиковъ этой мѣстности, Волоколамскаго и смежнаго съ нимъ Старицкаго уѣздовъ, я не упоминаю о тѣхъ, которые не жили постоянно въ деревняхъ, а наѣзжали только на лѣто въ свои помѣстья, какъ то, напримѣръ, старикъ Безобразовъ съ многочисленнымъ своимъ семействомъ, Головины, изъ которыхъ одинъ сдѣлался извѣстнымъ въ Европѣ, принявъ участіе за границей въ возмущеніяхъ смутной эпохи 1848-го года, и наконецъ князь Курakinъ, который вовсе не жилъ въ своемъ помѣстьѣ, но у котораго въ домѣ находилась замѣчательная картинная галлерей.

Чтобы довершить картину мѣстной жизни и дѣятельности названныхъ выше помѣщиковъ, надобно сказать, что по принятому тогда обычаю у нихъ были почти у всѣхъ борзые охоты въ полномъ составѣ. Преимущественно славились между знатоками охотниками Назимовская и Татищевская охоты. Исключеніемъ въ этомъ отношеніи были только мой дѣдъ, мой отецъ и Н. Н. Муравьевъ.

Кромѣ умственныхъ и кабинетныхъ работъ, которымъ предавались многіе изъ этихъ несомнѣнно интеллигентныхъ людей, учушеніе нашего сельскаго хозяйства составляло ихъ общую заботу, служило темой ихъ постоянныхъ преній и разговоровъ и было предметомъ ихъ серьезныхъ и любимыхъ занятій. Между молодыми помѣщиками этой мѣстности мой отецъ былъ, безспорно, одинъ изъ лучшихъ практи-

*) Пушкинъ написалъ шуточное посланіе къ этому Эгерштрому.

ческихъ хозяевъ и особенно отличался своею дѣловою дѣятельностью; затѣмъ старинное родовое имѣніе моего дѣда, с. Лотошино, за служило уже тогда себѣ въ этомъ отношеніи нѣвѣстность. Такъ какъ въ этомъ имѣніи все вниманіе было сосредоточено на выдѣлку самыхъ лучшихъ Швейцарскихъ сыровъ, что даже и въ настоящее время составляетъ его главный доходъ, то мой дѣдъ уже въ то время занялся улучшеніемъ скотоводства. Выписывая чистокровныхъ животныхъ изъ заграницы, онъ создалъ два многочисленныхъ и прекрасныхъ стада: одно чистокровной Тирольской породы, а другое чистокровной Голландской. Въ имѣніи было четыре винокуренныхъ завода, доставлявшихъ обильное поило скоту, и кромѣ того, для улучшенія корма, довольно значительный свеклосахарный заводъ.

Объ этомъ хозяйствѣ еще въ 1838 году въ журналѣ «Народное руководство въ сельскомъ хозяйствѣ» напечатана статья Шелехова подъ заглавіемъ: «Описаніе превосходно устроеннаго современнаго Русскаго сельскаго хозяйства съ зерновымъ трехпольнымъ полеводствомъ въ с. Лотошинѣ». Она начпнается такъ: «Кому неизвѣстно село Лотошино князя Ивана Сергѣевича Мещерскаго?» Далѣе описывается прекрасное хозяйство, заводы Швейцарскаго сыроваренія, сахарнаго и винокуренныхъ заводовъ и затѣмъ благосостояніе крестьянъ. При этомъ авторъ говоритъ объ учрежденіи въ каждой деревнѣ опекуновъ изъ порядочныхъ и совѣтливыхъ поселянъ для надзора за немущими и обѣдѣвшими крестьянами. Безъ позволенія опекуновъ и донесенія копорѣ никто не могъ сбывать ни хлѣба, ни животныхъ, а тѣ, которые поправлялись и дѣлались исправными, выходили изъ опеки и т. под. Въ концѣ по этому поводу приводится поговорка крестьянъ этого имѣнія, выражающая благодарность помѣщику за его о нихъ попеченіе въ слѣдующихъ словахъ: «приставилъ ты, батюшка, намъ голову къ плечамъ.....» «Неслыхано, говорили также крестьяне, чтобы изъ Лотошинской вотчины ходили по міру».

Въ этой же статьѣ упоминается о сынѣ Лотошинскаго помѣщика князѣ Василіи Ивановнѣ Мещерскомъ, совершившемъ важное хозяйственное предпріятіе въ сосѣднемъ своемъ имѣніи Ошейкинѣ, пожертвовавъ большую сумму денегъ на осушку огромнаго болота, съ котораго получается столько же сѣна, сколько со всего Лотошинскаго хозяйства, вчетверо болѣе по количеству состоящихъ въ немъ десятинъ земли. Статья заканчивается слѣдующими про моего отца словами: «честь, хвала и деньги молодому, дѣятельному, разсудительному сельскому хозяину!»